

Научная статья

УДК 32

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-163-173

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ В НЕТРАДИЦИОННЫХ СОВРЕМЕННЫХ ВОЙНАХ

Инна Александровна Ветренко¹, Андрей Андреевич Ковалев²

^{1, 2}Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

¹vetrenko-ia@ranepa.ru

²kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Статья рассматривает основные проблемы применения современного международного гуманитарного права (права вооруженных конфликтов) в политическом аспекте, возникающие вследствие изменения природы войн. Из-за существенных пробелов в действующем законодательстве в реалиях современных войн отсутствует действенный механизм защиты гражданского населения, постоянно возникают политические риски, которые отражаются на системе дипломатических отношений. Возможности международных уголовных судов ограничены, ибо не за все военные преступления возможно призвать к ответу. Не всегда соблюдается чрезвычайно важный принцип различия комбатантов от гражданского населения, вовлеченного в межгосударственный или внутренний военный конфликт.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, политические вызовы, нетрадиционная война, Женевские конвенции, гражданское население, международные и немеждународные военные конфликты, комбатанты, оговорка Мартенса

Для цитирования: Ветренко И. А., Ковалев А. А. Политические вызовы международному гуманитарному праву в нетрадиционных современных войнах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 163–173. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-163-173>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

POLITICAL CHALLENGES TO INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN NON-TRADITIONAL MODERN WARS

Inna Aleksandrovna Vetrenko¹, Andrej Andreevich Kovalev²

^{1, 2}Northwest Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

¹vetrenko-ia@ranepa.ru

²kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. The article examines the main problems of the application of modern international humanitarian law (the law of armed conflicts) in the political aspect arising from the changing nature of wars. Due to significant gaps in the current legislation in the realities of modern wars, there is no effective mechanism for protecting civilians, political risks constantly arise that affect the system of diplomatic relations. The possibilities of international criminal courts are limited, because not all war crimes can be called to account. The extremely important principle of distinguishing combatants from the civilian population involved in an interstate or internal military conflict is not always respected.

Keywords: international humanitarian law, political challenges, unconventional war, Geneva Conventions, civilian population, international and non-international military conflicts, combatants, Martens clause

For citation: Vetrenko I. A., Kovalev A. A. Political challenges to international humanitarian law in non-traditional modern wars. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):163-173. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-163-173>

Политическая система современного международного гуманитарного права сложилось в бурном XX столетии с его двумя мировыми войнами и бесчисленными человеческими жертвами, будучи структурно оформленным после 1945 г. в Гаагских и Женевских конвенциях. Хотя генеалогия его восходит к войнам Нового времени – прежде всего, к Тридцатилетней войне 1618–1648 гг.,

которая с полным правом может быть названа мировой войной в пределах европейской ойкумены той эпохи. В политической науке современное международное гуманитарное право обычно понимают как совокупность международно-правовых норм и принципов, направленных на защиту жертв войны и регулирующих методы и средства ведения военных действий. В англоязычных странах для обозначения международного гуманитарного права используют термин *International humanitarian law*, а в немецкоязычных – *Humanitäres Völkerrecht*.

Цель данной статьи – выявить политические вызовы, порождаемые основными проблемами применения современного международного гуманитарного права, которые возникают вследствие изменения природы войн и их превращения в войны нетрадиционные.

Методология исследования включает методы общенаучного, сравнительного политического и правового анализа, историко-логический и конкретно-политологические методы (ситуационный анализ или кейс-стади, метод экспертной оценки).

Трактовка международным гуманитарным правом коллизий, связанных с нетрадиционными войнами, не может не привлекать внимание исследователей по причине политической, социокультурной и экзистенциальной актуальности данной проблематики. Некоторые исследователи порой подразделяют нетрадиционные войны на асимметричные и гибридные, а ряд ученых отличает гибридные войны от собственно нетрадиционных, полагая, что таковые включают в себя наряду с чертами обычной, ядерной и химической войн также элементы информационной войны. Нетрадиционные войны также отличаются широким применением оружия массового поражения, а также все более активным участием в них наемных боевиков и религиозных фанатиков.

Рассматриваемая нами проблема очень слабо исследована с позиций политологии, во многом это определило и наш интерес к ней. Следует отметить, что в политической науке чаще всего идет дискуссия о границах гуманитарной сферы права и, совсем редко, о месте этого права в международных отношениях. Последний аспект находит отражение в работах российских политологов П.А. Цыганкова [1], Г.И. Тункина [2].

К рассмотрению вызовов международному гуманитарному праву со стороны войн нового типа и возникающих вследствие этого проблем обращались в последнее время А.К. Бисултанов [3], П.Г. Зверев [4], А.Н. Смирнова [5], И.М. Котляров [6], Ю.В. Пузырева [7], В.Н. Русинова [8] и другие исследователи, работы которых цитируются в этой статье. В немецкоязычной литературе последних лет, доступной отечественному исследователю, обращают на себя внимание статья Вольфганга Шрайбера о сути гибридной войны и правовых аспектах ее регулирования [9], монография Яна Хасса, Эрвина Мюллера и Патриции Шнайдер [10] “Международное гуманитарное право в измерениях права, политики и судебного возмездия”, книга Якоба Келленбергерера “Международное гуманитарное право” [11]. Среди англоязычной литературы интересны исследования Джона Кэри и Уильяма Данлэпа [12] и Хилер Маккоубри [13], анализирующие большое количество правовых источников, и работа М. Кицена, посвященная операциям в нетрадиционных войнах [14].

Нетрадиционная война как акт неконтролируемого насилия

Современное международное гуманитарное право довольно жестко регламентирует методы, которые можно использовать в войнах. Так, запрету подлежат те средства истребления живой силы противника, которые причиняют излишние страдания и продлевает агонию людей, или оружие, которое не является точным или легко контролируемым (например, газовые атаки). Тем не менее, в нетрадиционных войнах сдерживать развитие негуманных средств ведения войны очень сложно, поскольку такие войны – асимметричны, а для присутствующих в ней негосударственных группировок имплементация международного гуманитарного права не является приоритетом. «Часто это будет означать, что слабые будут использовать методы, лежащие вне “норм” ведения войны, методы, которые радикально отличаются. Именно этот элемент различия лежит в основе асимметричных подходов» [15, с. 98-99].

В статье “Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России” отечественный политолог И.В. Радиков отмечает: “...война и в XXI веке остается актом насилия. Меняющийся характер структуры насилия неминуемо влечет за собой изменение сущности войны. Новые качественные характеристики войны привносятся глобальными политическими, социальными, экономическими, культурологическими, этническими и религиозными факторами и явлениями; использованием принципиально новых и разнообразных видов оружия; более полным включением в нее окружающей и природной среды. Изменяющаяся в XXI веке среда безопасности требует непрерывного осмысления. Понимание этого необходимо для формирования адекватной политики обеспечения военной безопасности России” [16, с. 153].

Новые войны имеют такие особенности, которые могут напрямую привести к грубым нарушениям международного гуманитарного права: современная война чаще всего подразумевает преднамеренное прямое насилие против гражданского населения. Периодически также применяется

запрещенное международными конвенциями оружие. Многие нерегулярные боевики, религиозные фанатики и наемники сознательно применяют насилие в обход норм международного гуманитарного права.

Как предполагают ученые, одной из наиболее явных недоработок международного гуманитарного права является отсутствие в современных войнах действенной защиты гражданского населения. Исследователь отмечает, что “реальная слабость гуманитарного права заключается в другом: в настоящее время в многочисленных войнах, которые поражают планету, гражданские лица больше не защищены. Все войны, внутренние или международные, приводят к массовым убийствам” [17, с. 125].

Почему так происходит? Причина очень проста: та часть международного гуманитарного права, которая регулирует ведение военных действий, а именно использование средств войны (применяемого оружия) и методов войны (различных способов нападения на противника и борьбы с ним), имеет существенные пробелы.

Некоторые авторы утверждают, что причиной таких недоработок является изначальная неспособность действующих норм международного гуманитарного права эффективно сдерживать насилие, лежащее в основе большинства средств и методов войны [18–19]. Мы согласны с мнением исследователей в том, что средства и методы новых войн действительно имеют решающее значение для понимания причин неконтролируемых массовых зверств в отношении гражданского населения. В новых войнах как основной метод используется именно насилие, направленное против гражданских лиц. Причинение вреда гражданскому населению является основной целью нападения противника. Соответственно, потери или ранения среди гражданского населения не выступают лишь сопутствующим ущербом в нетрадиционных войнах, как это бывало в традиционных. Именно гражданское население несет основные потери в войнах нового типа.

Использование внеправовых методов в войне приводит к совершению военных преступлений. Отсюда возникает неразрывная связь между неадекватностью норм международного гуманитарного права (по крайней мере, тех, которые пытаются регулировать методы ведения войны) и международным уголовным правом, которое является не только последним средством наказания за уже совершенные военные преступления, но и инструментом их предотвращения.

Политические субъекты ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права

Ответственность за нарушения норм международного гуманитарного права, особенно тех, которые считаются серьезными нарушениями Женевских конвенций, является неотъемлемой частью усилий по соблюдению норм международного гуманитарного права и предотвращению нарушений его норм. Существуют различные виды международно-правовой ответственности. Самой очевидной является ответственность главного политического актора - государства. Тем не менее, в нетрадиционных войнах все более важной является роль негосударственных субъектов – наемников и боевиков. Часто возникает необходимость привлечения этих субъектов к ответственности за совершаемые ими нарушения международного гуманитарного права. Примечательно, что лица, официально входящие в состав военной организации, могут быть сравнительно легко привлечены к ответственности и наказаны за любые нарушения международного гуманитарного права через военные суды или любой другой вид дисциплинарного наказания. И это сделать гораздо труднее в случае с воюющими под псевдонимами наемниками и боевиками, в случае которых проблематично выявить сам состав преступления.

Необходимость международной уголовной ответственности за осуществление и обеспечение соблюдения норм международного гуманитарного права трудно переоценить. “Такие нарушения не означают, что международный правопорядок или международное гуманитарное право не являются законом; но это означает, что существует, как и в национальном правовом порядке, необходимость законного противодействия, чтобы показать, что нарушение определенной гуманитарной нормы является нарушением закона” [20, с. 58].

В негосударственных вооруженных формированиях, таких как повстанческие отряды или террористические организации, не всегда существует организованная цепочка командования. Это отсутствие иерархии и командования делает гораздо более трудной задачей определение индивидуальной ответственности. Поскольку нарушения правил ведения войны могут приравниваться к военным преступлениям, уголовное преследование является ключевым фактором обеспечения соблюдения норм международного гуманитарного права. Международное право эффективно только в том случае, если его фактически придерживаются все участвующие в военном конфликте стороны.

Международное гуманитарное право, которое применимо в ситуациях военных действий, то есть в ситуациях, которые уже являются экстраординарными и нарушающими принцип мирного сосуществования, требует, чтобы его нормы были как можно более ясными и четкими. В противном

случае, люди на поле боя не будут заботиться о соблюдении этих правовых норм, которые они даже не в состоянии идентифицировать и понять.

Представьте себе ситуацию, когда военнослужащий защищает свою позицию от вражеских сил. Скажем, эти вражеские силы состоят как из повстанцев из той же страны, что и сам военнослужащий, так и включают в себя вооруженные силы из третьей страны. Можете ли вы представить себе военнослужащего под сильным огнем противника, пытающегося выяснить, кто стреляет, а затем определить, какой именно набор международно-правовых норм должен применяться к тому конкретному человеку, который стреляет. Этот несколько утрированный пример приведен здесь только для того, чтобы подчеркнуть отсутствие правового приоритета, который враждующие стороны могли бы признать в ситуации продолжающихся ожесточенных военных действий.

Исследователи подчеркивают, что инициированная США «глобальная война с терроризмом» спровоцировала те нередкие ситуации, когда государство нападало на негосударственного субъекта на территории третьего государства (которое исследователи называют принимающим государством) [21, с. 124]. В таком случае классификация конфликта будет зависеть от действий принимающего государства: если оно будет сопротивляться военным операциям на своей территории, это приведет к межгосударственным военным действиям, но не обязательно изменит характер военных действий между «атакующим» государством и негосударственным субъектом [22, с. 63]. Что будет способствовать такому изменению характера войны или вооруженного конфликта, так это отношения между принимающим государством и негосударственным субъектом. Например, если принимающее государство поддерживает негосударственного субъекта. В таком случае нормы международного вооруженного конфликта будут применяться, когда негосударственный субъект может быть классифицирован как де-факто государственный агент.

Комментарий к Женевским конвенциям 1949 г., опубликованный Международным Комитетом Красного Креста, привел к изменению толкования ответственности государств в отношении негосударственных субъектов [23]. Во всем мире государства финансируют, вооружают, обучают и оказывают помощь негосударственным субъектам, участвующим в вооруженных конфликтах. Кроме того, негосударственные субъекты предпринимают такие действия, которые, безусловно, нарушили бы международное право, если бы они были предприняты непосредственно государством или его органами.

Новизна комментариев Международного Комитета Красного Креста заключается в том, что Общая статья 1 теперь интерпретируется как возлагающая на государства, участвующие в конфликте, прямую ответственность «обеспечивать уважение» международного гуманитарного права «при любых обстоятельствах», то есть принимать меры для обеспечения соблюдения международного гуманитарного права даже негосударственными субъектами в любом типе вооруженного конфликта (международного или немеждународного).

В комментариях Международного Комитета Красного Креста делается вывод о том, что Общая статья 1 налагает на государства не только негативные обязательства не поощрять нарушения права во время вооруженных конфликтов, но и позитивные обязательства третьих сторон, относящихся к государству, которое тесно координирует свою деятельность с негосударственными субъектами. Исследователи отмечают, что это положение может закрыть правовой пробел в отношении ответственности государств за нарушения со стороны негосударственных субъектов в войнах [24, с. 249].

Еще одна возможность в соблюдении правовых норм в военных действиях – хотя она и не является зафиксированной юридической нормой – это концепция «Ответственность за защиту». Совет Безопасности ООН мог бы сыграть важную роль в укреплении концепции «Ответственность за защиту», имея полномочия передавать ситуации, связанные с жестокими преступлениями, в Международный уголовный суд, с тем чтобы виновные могли быть привлечены к ответственности. Однако после трагических событий 2011 года в Ливии частота использования концепции «Ответственность за защиту» в системе ООН снизилась. Кроме того, «неспособность Совета Безопасности ООН передать современную ситуацию в Сирии на рассмотрение Международного уголовного суда свидетельствует об ограниченных возможностях Международного уголовного суда действительно поощрять концепцию «Ответственность за защиту» в государствах, не являющихся участниками, без поддержки держав, доминирующих в Совете Безопасности ООН»¹.

Одна из наиболее актуальных проблем, с которыми сталкивается международное уголовное право, заключается в том, что юрисдикция Международного уголовного суда слишком ограничена, а это сужает круг преступлений и ситуаций, которые фактически могут быть преследуемы Международным уголовным судом.

¹ Россия и Китай проголосовали против передачи ситуации в Сирии в Международный уголовный суд // Организация Объединенных Наций /URL: <https://news.un.org/ru/story/2014/05/1243271> (дата обращения: 28.01.2022)

Юрисдикция Международного уголовного суда, согласно статье 1 Римского статута, лишь дополняет национальную уголовную юрисдикцию. Концепция “Ответственность за защиту” может быть применена по отношению к правительствам. Исследователи так поясняют эту ситуацию: «Но комплементарность также позволяет Международному уголовному суду косвенно поощрять ответственность, возлагая применение концепции “Ответственность за защиту” на правительства и оказывая на них давление с целью проведения судебных разбирательств, если они хотят избежать вмешательства Международного уголовного суда» [25, с. 397].

Существует научная литература, доказывающая, что эффект сдерживания минимален для многих видов преступного поведения и усиливается только тогда, когда существует высокая вероятность наказания. Однако такие исследования проводятся в основном в национальном контексте, что оставляет мало уверенности в реальном воздействии страха наказания применительно к международному уголовному праву [26].

Соответственно, еще слишком рано непосредственно оценивать потенциал Международного уголовного суда как инструмента сдерживания. Кроме того, тот факт, что угроза наказания не может сдерживать многие преступления внутри стран, не обязательно означает, что потенциальная ответственность перед Международным уголовным судом не повлияет на высокопоставленных политических лидеров. Именно их деятельность может быть при необходимости рассмотрена Международным уголовным судом. И именно политики могут быть намного более расчетливыми, рациональными и бессовестными преступниками, нежели простые смертные, о чем свидетельствует не только опыт истории, но и наполненная трагизмом современность.

С другой стороны, исследователи утверждают, что создание и развитие международных уголовных судов способствует реализации норм международного гуманитарного права, когда государства не желают или не могут преследовать военных преступников, и что последовательное и твердое наказание может иметь сдерживающий эффект: “Страх перед уголовным или дисциплинарным наказанием, в дополнение к сдерживающему эффекту прошлых обвинительных приговоров, является еще одним средством, с помощью которого можно гарантировать соблюдение гуманитарного права” [18, с. 634].

Тем не менее, обеспечение соблюдения норм международного уголовного права и последовательное судебное преследование и суровое наказание за преступления, совершенные в нарушение норм международного гуманитарного права, способны усилить общую защиту, предусмотренную гуманитарным правом. По этой причине международное уголовное право, подкрепленное концепцией “Ответственность за защиту”, может стать одним из путей, по которым следует двигаться в стремлении обеспечить соблюдение норм международного гуманитарного права.

Политика соблюдения прав человека в условиях войны

Принимая во внимание, что международное гуманитарное право было создано для эвентуального применения к государствам и их регулярным вооруженным силам и комбатантам и призвано также рассматривать возможные преступные деяния нерегулярных боевиков или других негосударственных субъектов, вовлеченных в конфликт, то встает вопрос об обеспечении соблюдения прав человека во время войны. Реализация принципа различия там, где воюют негосударственные вооруженные группы, крайне затруднительно, поскольку для нерегулярных боевиков нет статуса комбатанта. Каким образом международное гуманитарное право может быть применено к новым участникам современных войн?

Принцип различия является одним из основных принципов международного гуманитарного права и имеет решающее значение в рамках правовой защиты. Этот принцип определяет, что комбатантов следует четко отличать от гражданского населения. Цель такого различия состоит, во-первых, в том, чтобы помочь защитить гражданских лиц от нападения. Это делается для того, чтобы обосновать гарантии защиты для военнослужащих, которые, например, захвачены вражескими войсками. Принцип различия позволяет легко идентифицировать бойца как такового. Принцип различия служит также цели защиты гражданских объектов путем определения именно военных целей.

Принцип различия имеет первостепенное значение на поле боя, поскольку он действует как защитный барьер от массированных атак на гражданское население, когда не делается различий между военными и гражданскими лицами. При постоянном соблюдении этот принцип может эффективно свести к минимуму потери среди гражданского населения, которые будут ограничиваться сопутствующими потерями, допускаемыми при соблюдении принципа соразмерности. Жертвами войны в начале XX века были в основном военные, в течение ушедшего столетия росли жертвы среди мирного населения (особенно в двух мировых войнах), а с 1990-х годов гибнет, в основном, гражданское население. Это – результат несоблюдения принципа различия.

Однако в нетрадиционных войнах многие негосударственные субъекты не берут на себя обязательства соблюдать нормы международного гуманитарного права, включая принцип различия.

Поскольку наемники и боевики чаще всего не получают статуса участников боевых действий, поэтому нет оснований принимать во внимание принцип различия. “Такие иррегулярные бойцы, то есть бойцы, не принадлежащие к субъекту международного права, участвующему в конфликте, если они захвачены противником, преследуются как преступники и осуждаются за их непосредственное участие в боевых действиях” [27, с. 156].

Более того, нападения на гражданских лиц являются предпочтительным методом ведения боевых действий для многих нерегулярных боевиков. Можно также отметить, что у нерегулярного участника боевых действий имеется мало стимулов соблюдать международное гуманитарное право, учитывая, что лидеры воюющих сторон часто утверждают, что законно наносить противнику удары не только на театре военных действий, но и везде, где он находится [28, с. 58]. Кроме того, военные державы больше не проводят различий между политическими противниками (к которым следует относиться как к гражданским лицам) и вооруженными людьми.

Ученые отмечают, что в 1977 году страны не смогли договориться об определении статуса “гражданского лица” в немеждународных вооруженных конфликтах из-за двух “конфликтующих философий” [29, с. 257]. Одни исследователи отстаивают широкое определение, чтобы максимально повысить степень защиты гражданских лиц, в то время как другие считают, что гражданские лица, участвующие в боевых действиях, представляют такую же большую угрозу, если даже не большую, как и любой другой военнослужащий.

Причина серьезности угрозы, исходящей от нерегулярных боевиков, может быть объяснена отсутствием командования и самой возможности применить международное гуманитарное право в некоторых ситуациях. Члены вооруженной группы, выходящие за рамки определения регулярных вооруженных сил государства, по меньшей мере, так же опасны, если не более, чем члены регулярных вооруженных сил, подчиняющиеся, по крайней мере теоретически, командно-дисциплинарной цепи, которая может обеспечить соблюдение права вооруженного конфликта [30, с. 448]. Боевики или наемники, особенно относящие себя к радикальным исламистам, чаще всего находятся под воздействием наркотических веществ – помимо религиозного дурмана, накрепко засевшего в их головах.

Значительная трудность связана с немеждународными вооруженными конфликтами, поскольку статус участника боевых действий, применимый в международных конфликтах, не распространяется на немеждународные конфликты. Статья 50 Дополнительного протокола I дает следующее определение гражданских лиц и гражданского населения: 1) Гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее к одной из категорий лиц, указанных в статье 4 А (1), (2), (3) и (6) Третьей Конвенции и в статье 43 настоящего Протокола. В случае сомнения в том, является ли лицо гражданским лицом, это лицо считается гражданским лицом; 2) Гражданское население включает всех лиц, являющихся гражданскими лицами; 3) Наличие в составе гражданского населения лиц, не подпадающих под определение гражданских лиц, не лишает население его гражданского характера.

Это определение дополняется определением вооруженных сил, приведенным в статье 43 того же Протокола. Статья 43 “Вооруженные силы” гласит:

1) Вооруженные силы стороны конфликта состоят из всех организованных вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся в подчинении командования, ответственным перед этой стороной за поведение своих подчиненных, даже если эта сторона представлена правительством или органом власти, не признанным стороной противника. Такие вооруженные силы подчиняются внутренней дисциплинарной системе, которая, в частности, обеспечивает соблюдение норм международного права, применимых в вооруженном конфликте;

2) Военнослужащие вооруженных сил стороны конфликта (за исключением медицинского персонала и капелланов, подпадающих под действие статьи 33 Третьей Конвенции) являются комбатантами, то есть имеют право непосредственно участвовать в боевых действиях;

3) Всякий раз, когда сторона конфликта включает военизированное или вооруженное подразделение, подлежащее правовой защите, в свои вооруженные силы, она уведомляет об этом другие стороны конфликта.

Статья 4 Третьей Женевской конвенции добавляет:

Военнопленными по смыслу настоящей Конвенции являются лица, принадлежащие к одной из следующих категорий, попавшие во власть врага:

1) Военнослужащие вооруженных сил одной из сторон конфликта, а также ополченцы или добровольческие отряды, входящие в состав таких вооруженных сил;

2) Члены других ополчений и члены других добровольческих корпусов, в том числе организованных движений сопротивления, принадлежащие к стороне конфликта и действующие на своей территории или за ее пределами, даже если эта территория оккупирована;

3) Военнослужащие регулярных вооруженных сил, которые заявляют о своей преданности правительству или власти, не признанной удерживающей стороной;

4) Жители неоккупированной территории, которые при приближении противника спонтанно берутся за оружие для сопротивления вторгшимся силам, не успев сгруппироваться в регулярные вооруженные формирования, при условии, что эти жители открыто носят оружие и соблюдают законы и обычаи войны.

По мнению исследователей, проблема заключается в том, что положение, предоставляющее статус участника боевых действий определенным лицам в международных конфликтах, не фигурирует в Протоколе II как применимое к немеждународным конфликтам [31, с. 39]. Отсутствие статуса комбатанта может нанести ущерб соблюдению международного гуманитарного права, поскольку субъекты, которым не предоставлен статус комбатанта и связанные с ним привилегии, не имеют никакого стимула соблюдать международное гуманитарное право. Другими словами, им нечего терять, даже если они не следуют правилам.

Аналогично тому, как Международный Комитет Красного Креста обновил свой комментарий об ответственности государств в отношении негосударственных субъектов, можно было бы пересмотреть толкование статуса воюющих сторон, чтобы попытаться решить актуальные вопросы, вызванные отсутствием статуса у нерегулярных боевиков.

По крайней мере в теории, действия комбатантов легче сдерживать из-за субординации в войсках, в которые они входят. Если обычный боец нарушает законы войны, он может быть немедленно подвергнут дисциплинарному наказанию. «Это “наказание” должно начаться немедленно, когда такой участник боевых действий захвачен: он или она должны немедленно предстать перед военным трибуналом и, если они будут признаны виновными, подвергнуться серьезным наказаниям. Возможных злоупотреблений со стороны военной силы, захватившей нерегулярного участника боевых действий, можно избежать, прибегнув к определенным механизмам контроля» [32, с. 115].

Интересный вариант применения международного гуманитарного права в отношении негосударственных субъектов связан с возможностью использования концепции “Ответственность за защиту” в качестве формы давления на государства с целью прекращения действий негосударственных субъектов, нарушающих международное гуманитарное право: ведь на практике государства все равно будут нести ответственность за предотвращение или прекращение массовых зверств, происходящих на их территории. Если такие зверства совершаются вооруженными группами на какой-либо части их территории, государства должны реагировать и стремиться остановить их, а если они этого не делают, просить или принимать помощь внешних субъектов.

В противном случае, если они не попросят или не согласятся на такую внешнюю помощь, они могут подвергнуться своевременным и решительным мерам, принятым международным сообществом.

Адаптация норм международного гуманитарного права в условиях новых войн

Другой взгляд на эти актуальные проблемы международного гуманитарного права представляют некоторые авторы, для которых традиционное предположение о том, что нормы международного гуманитарного права разрабатывались с учетом симметричных войн, является неверным [33]. Это предположение приводит к также неуместному представлению о том, что международное гуманитарное право нуждается в замене или пересмотре, чтобы идти в ногу с современными конфликтами [34, с. 355].

Вооруженные негосударственные субъекты затрудняют применение нормативных актов, поскольку, в отличие от государств, они не связаны международным правом, что очень затрудняет обеспечение соблюдения норм международного гуманитарного права. Ведутся дебаты о предоставлении статуса комбатанта вооруженным негосударственным субъектам, являющимся нерегулярными боевиками [35, с. 89].

С одной стороны, они получают особую защиту благодаря этому статусу, но для того, чтобы пользоваться такой защитой, они должны будут соблюдать нормы международного гуманитарного права. Этот стимул для вооруженных негосударственных субъектов соблюдать нормы международного гуманитарного права мог бы положительно сказаться на том, как протекают конфликты, предотвращая, например, грубые нарушения прав человека и зверские преступления. Однако это вовсе не представляется вероятным результатом. С другой стороны, существует опасение, что предоставление вооруженным негосударственным субъектам статуса комбатантов может представлять собой легитимизацию действий нерегулярных боевиков.

Мы считаем, что одна из проблем нынешней дискуссии об адекватности международного гуманитарного права и законов, касающихся войны, заключается в том, что она исходит из предположения, что война коренным образом изменилась и что любой вид насилия, такой как терроризм, является новым видом войны. Поэтому существующие правила, якобы, устарели. Но это не обязательно так. Война носит динамичный характер, и каждый вооруженный конфликт уникален. Это означает, что война не может быть определена неким статичным и неизменным образом,

но это также означает, что даже нетрадиционные войны не являются абсолютной новинкой именно нашего времени. Скажем, элементы информационной войны применялись даже в XIX столетии, не говоря уже о первой половине XX века.

Так что, в конце концов, возможно, дело не в том, что современная международно-правовая база устарела из-за появления новых видов военных действий, а в том, что, когда разрабатывались нынешние правила ведения войны, более насущной проблемой в реальном международно-правовом контексте была организованная война между национальными государствами. В то конкретное время люди, которые разрабатывали правила, были гораздо больше озабочены именно этим видом войны, поэтому установили правила, эффективные для "обычной войны". Впоследствии, когда число традиционных войн стало снижаться и войны постепенно трансформировались в нетрадиционные, отсутствие конкретных правовых норм, касающихся нетрадиционных войн, стало более очевидным.

Это заставляет нас задуматься о том, что было бы желательным исправить ситуацию, сделав нормы международного гуманитарного права более детальными и конкретными или, напротив, более общими и ориентированными на основополагающие принципы (например, принцип гуманизма), с тем чтобы иметь меньший набор правовых норм, которые, наоборот, будут применимы ко всем видам вооруженных конфликтов.

Вместо того чтобы пытаться создавать новые правила каждый раз, когда возникает новая ситуация, одним из возможных решений для преодоления этих пробелов и недостатков в нынешних нормах международного гуманитарного права является использование основополагающих принципов международного права.

Исследователи объясняют трудность создания новых правил, позволяющих идти в ногу со временем, и защищают подход, основанный на использовании базисных правовых принципов для решения этой проблемы [36, с. 139]. Эти недостатки гуманитарного права в некоторой степени неустранимы: иллюзорно думать, что закон может идти в ногу с эволюционирующей реальностью, которая становится все более сложной и имеет тенденцию проскальзывать мимо правовых ограничений. Жизнь всегда богаче наших представлений о ней. Тем не менее, даже если государства не выполняют своего морального обязательства обеспечить надлежащую адаптацию права к реальности, правовые нормы, тем не менее, содержат, по крайней мере, общие принципы, способные регулировать новые явления, принципы, которые должны быть извлечены из этих правил юристами.

Во-первых, закон всегда создается задним числом, исходя из наличной реальности и новизны событий, происходящих в обществе, и в результате закон всегда устаревает, то есть правовые нормы рождаются слишком поздно для той ситуации, которую они должны были регулировать. Во-вторых, из-за этой ретроспективной черты права трудно поддерживать его нормы в актуальном состоянии, особенно в очень динамичных ситуациях, таких как войны, что делает обращение к базисным правовым принципам гораздо более разумным и эффективным. Применение всеобъемлющих принципов международного гуманитарного права для ограничения методов ведения войны не является ни простым, ни прямолинейным. Для того чтобы сделать этот подход эффективным, необходимы ведущие декларационные принципы.

Разумеется, чрезмерное регулирование приносит столько же трудностей (или даже больше), как и недостаточное регулирование. Мы твердо верим, что принципы международного гуманитарного права – особенно принцип гуманности – могут оказать огромную помощь в принятии решения о том, какую правовую норму следует применять. Использование этих принципов в процессе выбора применимых норм, а также в процессе обновления смысла и толкования положений имеет то преимущество, что позволяет позитивному праву адаптироваться к изменениям в обществе.

Например, оговорка Мартенса является эффективным инструментом, позволяющим осуществлять такое обновление правовых норм именно за счет использования основных принципов международного гуманитарного права, в частности гуманности, в качестве фактора трансформации или актуализации правовых смыслов. Ученые проливают свет на постоянный процесс многоуровневых изменений, которые происходят в войне: "...каждое поколение [современной войны] эволюционировало с течением времени" [37, с. 198].

Подведем итоги. Современная геополитическая и международно-правовая реальность бросает ряд вызовов международному гуманитарному праву, которые оформляются и осознаются в правовом и политическом сознании как ряд взаимосвязанных проблем. Во-первых, в реалиях современных войн отсутствует действенный механизм защиты гражданского населения - прежде всего, из-за существенных пробелов в действующем международном праве, ориентированном на решение гуманитарных проблем. В войнах неклассического типа страдает, по большей части, именно гражданское население стран-участниц конфликта. Именно гражданское население несет основные потери вследствие применения оружия массового поражения.

Во-вторых, несмотря на имеющийся опыт проведения международных трибуналов, возможности международных уголовных судов ограничены, ибо не за все военные преступления возможно призвать к ответу виновных политиков и военных.

В-третьих, не всегда соблюдается чрезвычайно важный принцип различия комбатантов от гражданского населения, вовлеченного в межгосударственный или внутренний военный конфликт. Главная трудность состоит в том, что при протекании немеждународных военных конфликтов статус участника боевых действий не распространяется на лиц, вовлеченных в такого рода конфликты.

Политика, а тем более право никогда не было статичной и окаменевшей данностью. Адаптация – это особенность любой правовой системы, которая становится эффективной и последовательной лишь в динамике. Таким образом, возникает вопрос о том, как должна быть осуществлена адаптация правового регулирования войны? На наш взгляд, принципиальный подход, обеспечивающий гибкость и самоадаптацию к нормам международного гуманитарного права, – это путь вперед, поскольку такой подход устойчив даже перед лицом постоянных изменений и позволяет своевременно реагировать на новые вызовы, которые ставит международному гуманитарному праву стремительно изменяющаяся реальность.

Список источников

1. Цыганков П.А. Гуманизация международных отношений: проблемы и противоречия // *Общественные науки и современность*. 1997. № 6. С. 51-59.
2. Тункин Г.И. *Теория международного права*. М.: Зерцало-М, 2016. 416 с.
3. Бисултанов А.К. Развитие международного гуманитарного права в условиях изменяющейся природы современных вооруженных конфликтов. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2016. 207 с.
4. Зверев П.Г. Правовой статус законных участников вооруженных конфликтов. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2005. 197 с.
5. Смирнова А.Н. Прогрессивное развитие норм международного гуманитарного права о запрещенных методах и средствах ведения войны. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2017. 186 с.
6. Котляров И.И. *Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: основные теоретические проблемы и практика*. Дисс. докт. юрид. наук. М., 2008. 475 с.
7. Пузырева Ю.В. *Международно-правовое регулирование защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов*. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2007. 178 с.
8. Русинова В.Н. *Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование*. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2005. 210 с.
9. Schreiber W. *Der neue unsichtbare Krieg? Zum Begriff der „hybriden“ Kriegsführung*. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. Ausgabe 35-36. 2016. S. 11-15.
10. Hasse J., Müller E., Schneider P. *Humanitäres Völkerrecht: politische, rechtliche und strafgerichtliche Dimensionen*. Nomos-Verlagsgesellschaft, Baden-Baden 2001. 597 p.
11. Kellenberger J. *Humanitäres Völkerrecht*. Huber-Verlag, Frauenfeld, Stuttgart, Wien, 2010. 359 p.
12. Carey J., Dunlap W. *International Humanitarian Law: Origins*. Dobbs Ferry, N.Y, Transnational Pub, 2003. 300 p.
13. McCoubrey H. *International Humanitarian Law*. Aldershot, UK: Ashgate Publishing, 1999. 227 p.
14. Kitzen M. *Operations in Irregular Warfare*. In: Sookermany A. (eds) *Handbook of Military Sciences*, Springer, Cham, 2020. P. 1-21.
15. Воронова О.Е. *Современные информационные войны: типология и технологии*. Рязань, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2018. 187 с.
16. Радиков И.В. *Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 150-153.
17. Кокосин А.А. *Вопросы прикладной теории войны*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 225 с.
18. Попов И.М., Хамзатов М.М. *Война будущего: концептуальные основы и практические выводы: очерки стратегической мысли*. М.: Кучково поле, 2016. 831 с.
19. Попов Ю.П. *Будни войны: философско-критические этюды о войне*. М.: Перо, 2014. 123 с.
20. Мовчан А.П. *Международный правопорядок*. М.: ИГПАН, 1996. 101 с.
21. Щегловин Ю.Б. *Размышления о борьбе с терроризмом*. М.: Институт Ближнего Востока, 2015. 227 с.
22. Бутков П.П., Зайцев А.И. *Терроризм и проблема безопасности в современном мире*. СПб: Изд-во Политехнического университета, 2015. 325 с.
23. *Комментарий к Дополнительному протоколу II от 8 июня 1977 года к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера*. Москва, Междунар. Ком. Красного Креста, 2019. 303 с.
24. Тюшкевич С.А. *О законах войны: вопросы военной теории и методологии*. М.: Проспект, 2017. 349 с.

25. Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве. Казань: Центр инновационных технологий, 2016. 487 с.
26. Трикоз Е.Н. Систематизация международного уголовного права: история и практика. М.: Российский университет дружбы народов, 2019. 150 с.
27. Арзуманян Р.В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения: теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2015. 333 с.
28. Гриняев С.Н. Военное противоборство в современных условиях: новейший опыт, оценки, тенденции. Москва, Центр стратегических оценок и прогнозов, 2014. 135 с.
29. Карякин В.В., Козин В.П. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике XXI века. М.: Граница, 2014. 364 с.
30. Леншин С.И. Международное гуманитарное право о законах и обычаях современных вооруженных конфликтов. М.: Издательский дом ФГБОУВО "ГУУ", 2018. 513 с.
31. Мишуткин И.В., Леншин С.И. Соблюдение норм международного гуманитарного права: пособие военнослужащему Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. 144 с.
32. Русинова В.Н. Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование. М.: Юрлитинформ, 2006. 189 с.
33. Моррис Я. Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации – от приматов до роботов. М.: Кучково Поле, 2016. 589 с.
34. Зверев П.Г. Применимость международного гуманитарного права во время миротворческих операций Организации Объединенных Наций. М.: Юрлитинформ, 2018. 525 с.
35. Гончаренко В.Д. Институт гуманитарного вмешательства в современных международных отношениях. Екатеринбург: Издательские решения, 2016. 138 с.
36. Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. М.: Статут, 2015. 382 с.
37. Тюшкевич С.А. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М.: Кн. и бизнес, 2002. 357 с.

References

1. Tsygankov P.A. Humanization of international relations: problems and contradictions // *Obschestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 1997; 6; 51-59. (In Russ.)
2. Tunkin G.I. *Theory of international law*. Moscow: Zertsalo-M, 2016. 416 p. (In Russ.)
3. Bisultanov A.K. *The development of international humanitarian law in the changing nature of modern armed conflicts*. Diss. cand. jurid. M., 2016. 207 p. (In Russ.)
4. Zverev P.G. *The legal status of legitimate participants in armed conflicts*. Diss. cand. jurid. M., 2005. 197 p. (In Russ.)
5. Smirnova A.N. *Progressive development of the norms of international humanitarian law on prohibited methods and means of warfare*. Diss. cand. jurid. M., 2017. 186 p. (In Russ.)
6. Kotlyarov I.I. *International legal regulation of armed conflicts: the main theoretical problems and practice*. Diss. doct. jurid. M., 2008. 475 p. (In Russ.)
7. Puzyreva Yu.V. *International legal regulation of the protection of civilian objects during armed conflicts*. Diss. cand. jurid. M., 2007. 178 p. (In Russ.)
8. Rusinova V.N. *Violations of international humanitarian law: individual criminal responsibility and prosecution*. Diss. cand. jurid. M., 2005. 210 p. (In Russ.)
9. Schreiber W. *Der neue unsichtbare Krieg? Zum Begriff der „hybriden“ Kriegsführung. Aus Politik und Zeitgeschichte*. Ausgabe 35-36. 2016. S. 11-15. (In Germ.)
10. Hasse J., Müller E., Schneider P. *Humanitäres Völkerrecht: politische, rechtliche und strafgerichtliche Dimensionen*. Nomos-Verlagsgesellschaft, Baden-Baden 2001. 597 p. (In Germ.)
11. Kellenberger J. *Humanitäres Völkerrecht*. Huber-Verlag, Frauenfeld, Stuttgart. Wien, 2010. 359 p. (In Germ.)
12. Carey J., Dunlap W. *International Humanitarian Law: Origins. Dobbs Ferry*. N.Y, Transnational Pub, 2003. 300 p. (In Eng.)
13. McCoubrey H. *International Humanitarian Law*. Aldershot. UK: Ashgate Publishing, 1999. 227 p. (In Eng.)
14. Kitzzen M. *Operations in Irregular Warfare*. In: Sookermany A. (eds) *Handbook of Military Sciences*, Springer, Cham, 2020. P. 1-21. (In Eng.)
15. Voronova O.E. *Modern information wars: typology and technologies*. Ryazan, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 2018. 187 p. (In Russ.)
16. Radikov I.V. War in the XXI century and the new semantics of the military doctrine of Russia. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2015:5(55): in 2 h. Ch. I; 150-153. (In Russ.)

17. Kokoshin A.A. *Questions of applied theory of war*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. 225 p. (In Russ.)
18. Popov I.M., Khamzatov M.M. *The war of the future: conceptual foundations and practical conclusions: essays of strategic thought*. Moscow: Kuchkovo field, 2016. 831 p. (In Russ.)
19. Popov Yu.P. *Everyday life of war: philosophical and critical studies about the war*. Moscow: Pero, 2014. 123 p. (In Russ.)
20. Movchan A.P. *International law and order*. Moscow: IGPAN, 1996. 101 p. (In Russ.)
21. Shcheglovina Yu.B. *Reflections on the fight against terrorism*. Moscow: Institute of the Middle East, 2015. 227 p. (In Russ.)
22. Butkov P.P., Zaitsev A.I. *Terrorism and the problem of security in the modern world*. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University, 2015. 325 p. (In Russ.)
23. *Commentary to Additional Protocol II of June 8, 1977 to the Geneva Conventions of August 12, 1949, concerning the protection of victims of non-international armed conflicts*. Moscow, International Com. Red Cross, 2019. 303 p. (In Russ.)
24. Tyushkevich S.A. *On the laws of war: questions of military theory and methodology*. Moscow: Prospect, 2017. 349 p. (In Russ.)
25. Kayumova A.R. *Criminal jurisdiction in international law*. Kazan: Center of Innovative Technologies, 2016. 487 p. (In Russ.)
26. Trikoz E.N. *Systematization of international criminal law: history and practice*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2019. 150 p. (In Russ.)
27. Arzumanyan R.V. *Strategy of irregular warfare: theory and practice of application: theoretical and strategic problems of conceptualization, religious and military-political relations in the operational environment of irregular warfare*. Moscow: Center for Strategic Assessments and Forecasts, 2015. 333 p. (In Russ.)
28. Grinyaev S.N. *Military confrontation in modern conditions: the latest experience, estimates, trends*. Moscow, Center for Strategic Assessments and Forecasts, 2014. 135 p. (In Russ.)
29. Karyakin V.V., Kozin V.P. *U.S. military policy and strategy in the geopolitical dynamics of the XXI century*. Moscow: Border, 2014. 364 p. (In Russ.)
30. Lenshin S.I. *International humanitarian law on the laws and customs of modern armed conflicts*. Moscow: Publishing house of FGBOUVO "GUU", 2018. 513 p. (In Russ.)
31. Mishutkin I.V., Lenshin S.I. *Compliance with the norms of international humanitarian law: a manual for a serviceman of the Armed Forces of the Russian Federation*. Moscow: GUU Publishing House, 2017. 144 p. (In Russ.)
32. Rusinova V.N. *Violations of international humanitarian law: individual criminal responsibility and prosecution*. Moscow: Yurlitinform, 2006. 189 p. (In Russ.)
33. Morris Ya. *The war! What is it for? Conflict and the progress of civilization - from primates to robots*. Moscow: Kuchkovo Field, 2016. 589 p. (In Russ.)
34. Zverev P.G. *Applicability of international humanitarian law during United Nations peacekeeping operations*. Moscow: Yurlitinform, 2018. 525 p. (In Russ.)
35. Goncharenko V.D. *Institute of Humanitarian Intervention in Modern International Relations*. Yekaterinburg: Publishing Solutions, 2016. 138 p. (In Russ.)
36. Rusinova V.N. *Human rights in armed conflicts: problems of correlation between the norms of international humanitarian law and international human rights law*. Moscow: Statute, 2015. 382 p. (In Russ.)
37. Tyushkevich S.A. *Laws of war: essence, mechanism of action, factors of use*. M.: Book and business, 2002. 357 p. (In Russ.)

Информация об авторах

И. А. Ветренко – докт. полит. наук, проф., зав. кафедрой социальных технологий;

А. А. Ковалев – канд. полит. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления.

Information about the authors

I. A. Vetrenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Social Technologies;

A. A. Kovalev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 17.02.2022.

The article was submitted 28.01.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 17.02.2022.